

*Если бы я перечислил все то, в чем выражается ее помощь,
это посвящение получилось бы более объемным, чем сама книга.
Поэтому я просто говорю: моей жене Джейн
с выражением огромной признательности*

ГЛАВА 1

Натан Рубин погиб из-за собственной храбрости. Причем не той осторожной и осмотрительной, за которую во время войны награждают орденами и медалями. Его погубила вспышка слепой ярости, длившаяся всего какую-то долю секунды.

Рубин вышел из дома рано, как поступал обычно шесть дней в неделю, пятьдесят недель в году. Умеренный завтрак, подобающий невысокому полноватому мужчине сорока с лишним лет, который стремится сохранить форму. Долгое шествие по застеленным коврами коридорам особняка на берегу озера — особняка, приличествующего человеку, который в каждый из этих трехсот рабочих дней получает по тысяче долларов. Большой палец на кнопке ворот гаража, движение запястьем, заставляющее заработать бесшумный двигатель дорогого импортного седана. Компакт-диск, вставленный в проигрыватель, выезд задом на дорожку, мощенную гравием, тычок в педаль тормоза, переключение передач, плавное нажатие на газ — и последняя короткая поездка в его жизни. Шесть часов сорок девять минут утра, понедельник.

По дороге на работу светофоры везде зажигали зеленый свет, что, возможно, и послужило косвенной причиной его смерти. Именно из-за этого Рубин поставил машину на отдельную стоянку за зданием, в котором работал, за тридцать восемь секунд до окончания первой части Прелюдии и фуги си минор Баха. Оставаясь в машине, он дождался, пока не затихли последние аккорды органа; сле-

довательно, он вышел из машины, когда трое мужчин подошли уже достаточно близко, чтобы можно было сделать какие-то предположения об их намерениях. Он взглянул на них. Мужчины отвернулись и направились в другую сторону, шагая в ногу, словно танцоры или солдаты. Рубин двинулся к зданию. Затем вдруг остановился и обернулся. Мужчины стояли рядом с его машиной. И пытались открыть двери.

— Эй! — крикнул он.

Это краткое восклицание везде и всегда служит выражением удивления, негодования, вызова. Такой звук произвольно издает честный, наивный гражданин, столкнувшись с чем-то таким, чего не должно быть. Не раздумывая ни секунды, Рубин устремился обратно к машине. Противники втрое превосходили его числом, но его дело было правым, и это придавало ему уверенности в собственных силах. Рубин вернулся к машине, переполненный праведным гневом, чувствуя себя хозяином ситуации.

Однако это чувство было призрачным. Мягкий, изнеженный горожанин никогда не может быть хозяином подобной ситуации. Мышцы Рубина были натренированы в фитнес-центре. В данном случае это не шло в счет. Упругая мускулатура его брюшного пресса оказалась пробита первым же ударом. Он уронил голову вперед, и твердые костяшки пальцев превратили в кровавое месиво его губы и выбили ему зубы. Грубые руки схватили его так, словно он совершенно ничего не весил. У него из руки вырвали ключи от машины, а сам он получил сокрушительный удар в ухо. Его рот наполнился кровью. Рубин повалился на асфальт, и тяжелые ботинки заколотили его по спине. Затем по почкам. Затем по голове. Он потерял сознание, отключился, словно телевизор в грозу. Окружающий мир перед его глазами просто исчез. Сжался до тонкой горячей полоски и, дернувшись, превратился в ничто.

И Рубин умер, потому что на какую-то долю секунды отдался храбрости. Но это произошло позже. Значительно

позже, после того как мгновение храбрости растворилось в бесконечных часах отчаянного страха, которые, в свою очередь, взорвались долгими минутами безумно вопящего ужаса.

Джек Ричер остался жив, потому что повел себя осторожно. Он повел себя осторожно, потому что услышал отголосок из прошлого. У него было богатое прошлое, и этот отголосок донесся из худшей его части.

Ричер прослужил в армии тринадцать лет, и в тот единственный раз, когда он был ранен, виновата оказалась не пуля. Ранение причинил осколок челюсти одного сержанта морской пехоты. Ричер в то время служил в Бейруте, на военной базе, расположенной рядом с аэропортом. Эту базу атаковал на грузовике, начиненном взрывчаткой, террорист-смертник. Ричер дежурил у ворот. Злополучный сержант морской пехоты находился на сотню ярдов ближе к месту взрыва. От него уцелел лишь тот самый осколок челюсти. Осколок попал в Ричера, стоявшего на удалении ста ярдов, и прошел через внутренности, словно пуля. Военный хирург, зашивавший Ричера, сказал, что ему повезло. Попадание настоящей пули стало бы куда более болезненным. Это и был тот самый отголосок из прошлого, и Ричер внимательно к нему прислушался, потому что тринадцать лет спустя ему в живот был направлен пистолет. Причем с расстояния всего около полутора дюймов.

Это был автоматический пистолет калибра девять миллиметров. Совершенно новый. В заводской смазке. Пистолет был нацелен низко, в ту самую область, где остался шрам. Мужчина, державший пистолет, более или менее знал свое дело. Оружие было снято с предохранителя. Дуло застыло практически неподвижно. В мышцах руки никакого напряжения. Указательный палец приготовился выполнить свою работу. Ричер понял все это с первого взгляда. Он очень внимательно смотрел на указательный палец, лежащий на спусковом крючке.

Ричер стоял рядом с женщиной, поддерживая ее под руку. Он видел эту женщину первый раз в жизни. Ей в живот был направлен абсолютно такой же девятимиллиметровый пистолет. Тот тип, который целился в женщину, держался более возбужденно. Он заметно нервничал. Волновался. Пистолет дрожал у него в руке. У него были обгрызенные ногти. Нервный, дерганый тип. Все четверо стояли посреди улицы: трое — застыв неподвижно, словно каменные изваяния, четвертый — переступая с ноги на ногу.

Это происходило в Чикаго. В центре города, на оживленном тротуаре, в понедельник, в последний день июня. Самый разгар дня, яркое летнее солнце. Все произошло за какую-то долю секунды. Произошло спонтанно, как нельзя было бы отрепетировать и за миллион лет. Ричер шел по улице, не имея определенной цели, не быстро и не медленно. Он проходил мимо двери химчистки. Дверь распахнулась прямо у него перед носом, и на тротуар ему под ноги с грохотом упал металлический костыль. Подняв взгляд, Ричер увидел в дверях женщину, готовую вот-вот выронить девять пакетов с вещами, которые она неловко держала в охапке. Возраст около тридцати лет, дорогая одежда, смуглая кожа; привлекательная, уверенная в себе женщина. У нее было что-то с ногой. Скорее всего, травма. По ее неуклюжей позе Ричер понял, что травма причиняет женщине боль. Она бросила на него взгляд, красноречиво призывающий на помощь, и он, тоже молча выразив готовность помочь, нагнулся и подобрал с асфальта костыль. Одной рукой забрал у женщины пакеты, другой протянул костыль. Закинул пакеты через плечо и ощутил, как девять проволочных вешалок впиваются в палец. Опершись костылем об асфальт, женщина удобно обхватила изогнутую металлическую ручку. Ричер предложил ей руку. Она помедлила. Затем смущенно кивнула, и Ричер взял ее под руку, ощущая неловкость. Они повернулись и двинулись вперед. Ричер решил проводить женщину несколько шагов, чтобы она почувствовала себя на но-

гах уверенно. После чего убрать руку и вернуть женщине пакеты с одеждой. Но вместо этого они наткнулись на двоих мужчин с девятимиллиметровыми пистолетами.

Все четверо стояли лицом к лицу, разбившись на пары. Подобно четырем посетителям ресторана, которые устроились обедать в тесном отдельном кабинете. Мужчины с пистолетами были белые и откормленные; в их поведении чувствовалась армейская выправка, и они были чем-то похожи друг на друга. Среднего роста, с коротко стриженными темными волосами и крупными мускулистыми руками. Широкие тупые лица, напряженные, жесткие взгляды. Нервный был мельче своего напарника, словно, переживая, он сжигал дополнительную энергию. Оба были в клетчатых рубашках и поплиновых ветровках. Мужчины стояли рядом, плечом к плечу. Ричер был значительно выше ростом остальных троих и видел все вокруг поверх их голов. Он стоял, опешив от изумления, с перекинутыми через плечо пакетами с одеждой. Женщина, опираясь на трость, молча смотрела перед собой. Парни держали пистолеты, направленные в упор. Ричеру показалось, они простояли так довольно долго. Но на самом деле он знал, что это чувство обманчивое. Вероятно, все продолжалось не больше двух-трех секунд.

Мужчина, стоявший перед Ричером, судя по всему, был главным. Выше своего напарника, шире в плечах. Более спокойный. Он перевел взгляд с Ричера на женщину и дернул стволом пистолета, указывая на проезжую часть.

— Садись в машину, стерва, — бросил он. — И ты тоже, козел.

Мужчина говорил выразительно, но тихо. Повелительным тоном, практически без акцента. Ричер предположил, что он, скорее всего, из Калифорнии. У тротуара стояла машина. Ждавшая именно их. Большой дорогой черный седан. Водитель, обернувшись, протянул руку и открыл заднюю дверь. Мужчина, стоявший напротив Ричера, снова сделал движение пистолетом. Ричер не шелухнулся.

Огляделся по сторонам. По его прикидке, у него было несколько секунд, чтобы принять решение. Двое типов с девятимиллиметровыми пистолетами особенно его не волновали. Ричер мог действовать только одной рукой, поскольку во второй были пакеты из химчистки, но он решил, что справится с типами без особых проблем. Проблемы начинались рядом с ним и у него за спиной. Ричер посмотрел в витрину химчистки как в зеркало. В двадцати ярдах за ним по перекрестку двигалась сплошная стена спешащих пешеходов. Пара шальных пуль найдет пару случайных жертв. В этом можно не сомневаться. Это абсолютно точно. В этом заключалась та проблема, что была у Ричера за спиной. Проблема рядом с ним заключалась в неизвестной женщине. Ее способности представляли собой неизвестный фактор. У нее травмирована нога. Женщина среагирует медленно. И движения ее тоже будут медленными. Ричер был готов вступить в схватку, но только не в таком окружении и только не с таким напарником.

Мужчина с калифорнийским акцентом протянул руку и схватил Ричера за запястье, прижатое к ключице тяжестью девяти пакетов из химчистки. Рывком дернул его к машине. Его указательный палец на спусковом крючке по-прежнему был готов к работе. Ричер следил за ним краем глаза. Он отпустил руку женщины и шагнул к машине. Забросил пакеты на заднее сиденье и забрался в салон. Женщину втолкнули в машину следом за ним. Последним на заднее сиденье плюхнулся нервный и захлопнул за собой дверь. Главный сел спереди справа. Захлопнул дверь. Водитель переключил передачу, и машина тихо и плавно тронулась с места.

Женщина стонала от боли, и Ричер предположил, что нервный ткнул ее в ребра пистолетом. Главный, развернувшись на переднем сиденье, положил руку с пистолетом на толстый кожаный подголовник. Пистолет был направлен Ричеру в грудь. Это был «Глок-17». Об этом ору-

жии Ричеру было известно все. По заказу своей части он проводил комплексное тестирование. Это задание ему поручили, когда он поправлялся после ранения, полученного в Бейруте. Для своих небольших размеров «глок» показал себя очень неплохо. Ствол длиной семь с половиной дюймов от бойка до дула. Достаточный для обеспечения точности стрельбы. С расстояния семьдесят пять футов Ричер пулями загонял в доску кнопки. Боеприпасы тоже мощные. Пуля весом в четверть унции покидала ствол со скоростью почти восемьсот миль в час. Емкость обоймы — семнадцать патронов, отсюда название модели. И еще пистолет был очень легким. При всей своей огневой мощи он весил меньше двух фунтов. Главные детали были из стали. Все остальное — пластмасса. Черный полимер, как на дорогом фотоаппарате. В целом замечательно сработанная штукавина.

Но Ричер был не в восторге от «глока». Пистолет совсем не удовлетворял специальным требованиям его части. Ричер рекомендовал отказаться от этой модели. Вместо этого он предложил «Беретту-92Ф». Также калибра девять миллиметров, «беретта» была на полфунта тяжелее и на дюйм короче, а в обойме помещалось на два патрона меньше. Однако убойная сила была на десять процентов выше, чем у «глока». А для Ричера это имело очень большое значение. Кроме того, в «беретте» почти не было пластмассы. Ричер остановил свой выбор на «беретте». Командир части, в которой он служил, его поддержал. Он отправил по инстанции заключение Ричера, и армейское руководство в целом согласилось с ним. На той самой неделе, когда Ричеру на грудь прикололи Серебряную звезду и «Пурпурное сердце», армия сделала заказ на «беретты», хотя «беретты» были более дорогими, НАТО всеми силами поддерживало «глоки», а голос Ричера, только что окончившего академию Уэст-Пойнт, звучал совсем одиноко. Потом Ричера переводили с места на место, он служил на военных базах, раскиданных по всему земному шару, но

больше ни разу не видел «Глок-17». До сих пор. Двенадцать лет спустя ему во второй раз представилась возможность хорошо рассмотреть пистолет.

Оторвав взгляд от оружия, Ричер посмотрел на мужчину, который его держал. Лицо загорелое, вдоль линии волос белая полоса. Стригся недавно. У водителя был широкий лоб, блестящий от пота, зачесанные назад редяющие волосы, пухлое розовое лицо и самодовольная ухмылка уроды, считающего себя красавцем. Такая же дешевая рубашка, купленная на распродаже, такая же ветровка. Такое же брюшко, говорящее о любви к попкорну. Такая же властная самоуверенность, чуть тронутая легким волнением. Трое мужчин в возрасте от тридцати до тридцати пяти: один главарь, один спокойный подчиненный, один нервный подчиненный. Все в напряжении, однако повторяют хорошо заученные действия. Загадка. Оторвав взгляд от неподвижного дула «глока», Ричер посмотрел в лицо главарю, но тот покачал головой.

— Никаких разговоров, козел. Один звук — и я тебя пристрелю. Поверь мне на слово. Молчи — и все будет хорошо.

Ричер ему поверил. Глаза главаря были тверды как сталь, а рот сжался в узкую полоску. Поэтому Ричер молчал. Машина сбавила скорость и свернула к зданию заброшенного завода. Обогнула его по неровному бетонному покрытию. По прикидкам Ричера, они отъехали миль пятьдесят на юг от Чикаго. Водитель остановил седан так, что его задняя дверь оказалась рядом с задней дверью маленького грузового автофургона. Кроме фургона, других машин на стоянке не было. Это был «форд-эконолайн», грязно-белый, еще не старый, но выдавший виды. Раньше на борту имелась какая-то надпись. Теперь она была закрашена белой краской, не совпадавшей по оттенку с основной. Ричер осмотрелся по сторонам. На стоянке валялось много мусора. Недалеко от фургона стояла пустая банка из-под краски. И кисть. Вокруг ни души. Стоянка была

пустынной. Если предпринимать какие-либо шаги к спасению, то сейчас было самое время и самое место. Но главарь, едва заметно усмехнувшись, перегнулся назад.левой рукой схватил Ричера за шиворот и приставил к его уху дуло «глока».

— Сиди смирно, козел!

Водитель вышел из машины и обошел вокруг капота. Достал из кармана ключи и отпер заднюю дверь фургона. Ричер сидел неподвижно. Прижимать дуло пистолета к уху — поступок не слишком умный. Если резко дернуть головой, пистолет скользнет по лбу. После чего даже быстрое нажатие на спусковой крючок не наделает много беды. Возможно, пуля продырявит ухо над самой мочкой, и от грохота выстрела уж точно лопнет барабанная перепонка. Но эти раны не будут смертельными. Какое-то мгновение Ричер взвешивал за и против. Но тут нервный вытащил женщину из машины и толкнул ее в фургон. Ричер следил за ней краем глаза, пока она ковыляла несколько шагов от одной двери до другой. Вырвав из рук женщины сумку, парень швырнул ее в салон седана. Сумка упала Ричеру под ноги и тяжело ударилась о толстый коврик. Большая сумка, дорогая кожа, внутри что-то тяжелое. Что-то металлическое. Такой гулкий звук способен издать только один металлический предмет, который может оказаться в женской сумочке. Ричер посмотрел на свою спутницу с внезапным любопытством.

Она лежала, растянувшись на полу фургона в неловой позе. Ей мешала травмированная нога. Затем главарь, сидевший спереди, толкнул Ричера по кожаному сиденью в руки нервному. Как только один «глок» оторвался от уха Ричера, второй воткнулся ему в бок. Ричера вытащили на неровный бетон. Подвели к двери фургона. Затолкали внутрь, к женщине. Нервный держал обоих под прицелом трясущегося «глока», а главарь тем временем достал из седана костыль, подошел к фургону и зашвырнул его внутрь. Костыль с грохотом ударился о металлическую

обшивку. Пакеты с одеждой из химчистки и сумочка остались в легковой машине. Затем главарь достал из кармана наручники. Поймал женщину за запястье правой руки и защелкнул на нем один браслет. Грубо дернул ее вбок и схватил Ричера за запястье левой руки. Защелкнул на нем второй браслет. Подергал за цепочку, проверяя, что наручники надеты надежно. Захлопнул левую заднюю дверь фургона. Ричер увидел, как водитель поливает салон седана из пластиковых бутылок. Разглядел бледно-желтую жидкость, уловил сильный запах бензина. Одна бутылка на передние сиденья, другая — на задние. Тут главарь захлопнул правую дверь фургона. Последнее, что успел увидеть Ричер до того, как его окутал мрак, был водитель, достававший из кармана спички.

ГЛАВА 2

А в это время в тысяче семистах двух милях от Чикаго готовили апартаменты для гостей. Эти апартаменты представляли собой единственную комнату. Комната обладала необычным дизайном, который определил человек обстоятельный после долгих, всесторонних размышлений. Этот дизайн имел несколько специфических особенностей.

Комната была оборудована для особенной цели и для особенного гостя. Природа этой цели и личность гостя продиктовали необычность дизайна. Помещение было обустроено на втором этаже давно построенного здания. Под него была выбрана угловая комната. Эта комната имела несколько больших окон, выходящих на две стороны — на юг и на восток. Стекла в окнах были выбиты и заменены толстой фанерой, прибитой гвоздями к сохранившимся рамам. Снаружи фанера была выкрашена белой краской, в тон стен здания. Изнутри она осталась необработанной.

Потолок в угловой комнате был выломан. Здание было старым, с толстым слоем штукатурки на потолке. Вся она пролилась дождем удушливой пыли. Теперь верх помещения оказался открыт до самых стропил. Внутренняя обшивка стен также была сорвана. Стены были обшиты старой сосной, гладкой от времени и полировки. Все это исчезло. Обнажился каркас здания и плотный старый рубероид под наружной обшивкой. Половицы были оторваны. Под массивными балками перекрытий стал виден по-

толок помещений первого этажа, покрытый толстым слоем пыли. От комнаты осталась лишь оболочка.

Обломки штукатурки с потолка, доски внутренней обшивки и половицы были выброшены из окон до того, как их заколотили фанерой. Двое рабочих, осуществивших переустройство комнаты, лопатами сгребли строительный мусор в большую кучу и подогнали к ней задом свой грузовик. Им не терпелось оставить после себя чистоту и порядок. Они впервые работали на этого заказчика, наметнувшего о том, что в будущем у него появятся и другие заказы. И, оглядываясь вокруг, рабочие видели, что дел здесь — начать и кончить. То есть ситуация внушала оптимизм. Найти новые заказы сейчас было очень нелегко, а этот заказчик не стоял за ценой. Рабочие решили, что в их собственных интересах произвести выполнением первого же заказа благоприятное впечатление. Они загружали в машину осколки штукатурки, стараясь ничего не оставить на земле, и в этот момент к ним подошел сам заказчик.

— Все сделано? — спросил он.

Заказчик был здоровенный верзила, одутловатый, с писклявым голосом и двумя красными пятнами размером с десятицентовые монеты, горящими на бледных щеках. Однако передвигался он легко и бесшумно, словно имел вчетверо меньшие габариты. В целом получался не слишком приятный тип, от которого все отворачивались и которому отвечали подобострастно, без промедления.

— Только что закончили уборку, — ответил один из рабочих. — Куда отвезти мусор?

— Я вам покажу, — сказал заказчик. — Придется сделать две ездки. Отвезете вот эти доски отдельно, хорошо?

Второй рабочий кивнул. Половицы, имевшие в ширину по восемнадцать дюймов, были сделаны в те времена, когда лесозаготовщики могли валить любое приглянувшееся дерево. Они все равно не поместились бы в кузов грузовика вместе с остальным мусором. Рабочие покидали в кузов остатки штукатурки, и заказчик втиснулся в ка-

бину вместе с ними. Он был крупный мужчина, и им пришлось потесниться.

— Надо проехать на север, — сказал заказчик, указывая рукой. — Где-то с милю.

Выйдя за пределы городка, дорога стала взбираться вверх, выписывая крутые повороты. Заказчик ткнул рукой.

— Вот сюда, — сказал он. — К дальней стене, хорошо?

С этими словами заказчик неслышно удалился. Рабочие разгрузили машину, вернулись обратно и покидали в кузов старые сосновые половицы. Снова попетляв по извилистой дороге, прибыли на место. Выгрузили доски и аккуратно сложили их. Как только они закончили, откуда-то из тени вышел заказчик. Он ждал рабочих. У него в руке что-то было.

— Все кончено, — сказал один из рабочих.

Заказчик кивнул.

— Это ты точно подметил.

Он поднял руку. В ней был зажат пистолет. Первого рабочего заказчик убил выстрелом в голову. Раздался оглушительный грохот. Во все стороны брызнули осколки кости и мозг. Второй рабочий застыл в ужасе. Затем, опомнившись, бросился бежать, кидаясь из стороны в сторону, отчаянно пытаясь достичь укрытия. Заказчик усмехнулся. Ему нравилось стрелять по бегущим мишеням. Он чуть опустил вниз свою здоровенную лапищу. Выстрелил и всадил второму рабочему пулю в колено. Снова усмехнулся. Вот так-то лучше. Ему нравилось, когда жертвы бежали, но еще больше ему нравилось, когда они корчились на земле. Некоторое время заказчик стоял на месте, слушая вопли раненого. Затем бесшумно приблизился к нему и тщательно прицелился. Второй пулей раздробил другое колено. Но вскоре игра ему наскучила. Пожав плечами, заказчик добил рабочего выстрелом в голову. Положил пистолет на землю и перекатил трупы, аккуратно уложив их рядом со старыми половицами.

ГЛАВА 3

Они провели в пути один час тридцать три минуты. Сначала ползли по городским улицам, затем набрали скорость, выйдя на трассу. Всего проехали миль шестьдесят. Однако в грохочущем мраке закрытого фургона Ричер не имел ни малейшей возможности определить, в каком именно направлении проделаны эти шестьдесят миль.

Он был прикован наручниками к молодой женщине с травмированной ногой, и в течение первых минут вынужденного знакомства они лишь пытались устроиться поудобнее, насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах. Они ползали по полу фургона до тех пор, пока не уселись у правого борта, по обе стороны от большой колесной арки, вытянув ноги. Женщина оказалась в задней части фургона, а Ричер — ближе к кабине. Их скованные запястья лежали на плоском металлическом наросте так, словно они были возлюбленными, наслаждавшимися обществом друг друга за столиком в кафе.

Первое время они не разговаривали. Просто сидели молча, приходя в себя. Первоочередной проблемой была жара. Последний день июня, самое сердце Среднего Запада. Они были заперты в замкнутой железной коробке. Вентиляция отсутствовала. Потоки воздуха, обтекавшие кузов, играли роль своеобразного охладителя, однако этого явно не хватало.

Ричер просто сидел в полумраке и использовал жаркое время безделья на размышления и планы, как его обучили делать. Сохраняя спокойствие и хладнокровие, оставаясь

в готовности, не сжигая энергию на бесполезную суету. Оценивая и осмысливая. Трое напавших продемонстрировали определенную степень эффективности. Ничего особенного, без филигранного таланта, но и без существенных ошибок. Нервный тип с «глоком» был в команде самым слабым звеном, однако главарь его достаточно хорошо подстраховывал. В целом весьма действенное трио. Далеко не худшее из того, что доводилось видеть Ричеру. Однако пока что он еще не начал беспокоиться. Ему приходилось бывать в ситуациях и похуже, и он выходил из них живым и невредимым.

Затем Ричер обратил внимание на одну любопытную деталь. Женщина также сохраняла спокойствие. Она просто сидела, покачиваясь, прикованная к его запястью, и размышляла и строила планы, как, вероятно, тоже была обучена. Взглянув на нее в полумраке, Ричер увидел, что женщина пристально смотрит на него. Взгляд вопросительный, спокойный, повелительный, с намеком на превосходство, с оттенком неодобрения. Самоуверенность молодости. Встретившись глазами с Ричером, женщина долго не отводила взгляд. Наконец она протянула скованную наручниками правую руку, тем самым дернув Ричера за левую, однако это был подбадривающий жест. Неловко повернувшись, Ричер пожал ей руку, и они усмехнулись этому своеобразному этикету.

— Холли Джонсон, — представилась женщина.

Она оценивающе смотрела на своего спутника. Ричер чувствовал, как ее взгляд путешествует по его лицу, спускается на одежду и снова возвращается к лицу. Женщина опять улыбнулась, как будто пришла к выводу, что ее спутник заслуживает определенной учтивости в обращении.

— Рада с вами познакомиться, — добавила она.

Ричер в свою очередь всмотрелся в ее лицо. Холли Джонсон была очень привлекательной женщиной. Возраст лет двадцать шесть — двадцать семь. Ричер оценивающим взглядом пробежал по ее одежде. У него в голове

мелькнула строчка из старой песни: «Стодолларовые платья, за которые я еще не заплатила». Он попробовал вспомнить продолжение, но не смог. Поэтому просто улыбнулся в ответ и кивнул.

— Джек Ричер, — сказал он. — На самом деле, Холли, это я очень рад нашему знакомству, поверьте.

Разговаривать было трудно, потому что в кузове фургона было очень шумно. Рев двигателя старался перекрыть грохот старой подвески. Ричер предпочел бы просто посидеть молча, но Холли не унималась.

— Мне нужно от вас избавиться, — сказала она.

Уверенная женщина, умеющая держать себя в руках. Ричер ничего не ответил. Просто взглянул на нее и отвернулся. Следующая строчка из песни всплыла в памяти сама собой: «Холодная, бесчувственная женщина». Унылая осенняя пора, грустные, душещипательные слова. Старая песня из репертуара Мемфиса Слима¹. Однако вторая строчка женщине не подходила. Совсем не подходила. Холли Джонсон не была бесчувственной женщиной. Снова бросив на нее взгляд, Ричер пожал плечами. Она пристально смотрела на него, раздраженная его молчанием.

— Вы отдаете себе отчет в том, что произошло? — спросила она.

Ричер взгляделся в ее лицо, в глаза. Она смотрела на него с изумлением. Женщина пришла к выводу, что судьба свела ее с полным идиотом. Она решила, ее спутник просто не понимает, что происходит.

— Все совершенно очевидно, не так ли? — спросил Ричер. — Факты говорят сами за себя.

— Какие еще факты? — удивилась женщина. — Все случилось за долю секунды.

— Вот именно, — подтвердил Ричер. — Это и есть все факты, которые мне нужны, верно? Они более или менее сообщили мне все, что нужно знать.

¹ *Мемфис Слим* — знаменитый блюзовый пианист 1940–1980-х годов.

Умолкнув, он снова сосредоточился на том, чтобы отдохнуть. Следующая возможность бежать представится во время очередной остановки. А ждать ее придется, быть может, несколько часов. У Ричера возникло предчувствие, что день будет длинным. Он решил не тратить силы напрасно.

— И что вам нужно знать? — спросила женщина, пристально глядя ему в глаза.

— Похитили вас, — ответил Ричер. — Я попал сюда случайно.

Она по-прежнему смотрела на него. По-прежнему уверенная в себе. По-прежнему размышляя. По-прежнему не в силах решить, не прикована ли она к полному идиоту.

— Все совершенно очевидно, не так ли? — повторил Ричер. — Эти ребята охотились не за мной.

Женщина ничего не ответила. Лишь изогнула красивые брови.

— Никто не знал наперед, что я буду в этом месте, — продолжил он. — Даже я сам этого не знал. До тех пор, пока не оказался там. Однако похищение было спланировано заранее. Его подготовка заняла определенное время. Все было основано на данных наблюдения, так? Трое нападающих: один в машине, двое на улице. Машина поставлена именно там, где нужно. Эти ребята понятия не имели, где окажусь я. Но несомненно, они знали наверняка, где окажетесь вы. Так что не смотрите на меня как на полного идиота. Это вы совершили большую ошибку.

— Ошибку? — переспросила женщина.

— Вы слишком постоянны в своих привычках, — объяснил Ричер. — За вами наблюдали в течение двух или трех недель, и вы сами шагнули в объятия похитителей. Они не ожидали больше никого встретить. Это же очевидно, так? Они ведь захватили лишь одну пару наручников.

Подчеркивая свои слова, Ричер поднял руку, поднимая при этом и руку женщины. Та надолго умолкла. Ей пришлось полностью пересмотреть свое мнение о спутнике.

Ричер мерно покачивался в такт движению машины и улыбался.

— А вы знаете, что к чему, — снова заговорил он. — Работаете в каком-нибудь правительственном ведомстве, так? Управление по борьбе с наркотиками, ЦРУ, ФБР, что-нибудь в таком духе, может быть, полиция Чикаго? На этой работе вы недавно, до сих пор сохранили трудовой энтузиазм. Кроме того, вы достаточно обеспечены. Так что кто-то хочет получить выкуп или же вы представляете для кого-то потенциальную угрозу, даже несмотря на то, что вы новенькая. И в том, и в другом случае вам следовало бы быть более осторожной.

Холли Джонсон внимательно посмотрела на него, широко раскрыв глаза в полумраке. Слова Ричера произвели на нее впечатление.

— Факты? — спросила она.

Он снова улыбнулся:

— Кое-какие мелочи. Одежда, которую вы забрали из химчистки. Бьюсь об заклад, каждый понедельник в обеденный перерыв вы относите в чистку вещи, скопившиеся за прошедшую неделю, и забираете готовые. Это означает, что у вас от пятнадцати до двадцати нарядов. Судя по тому, что на вас надето, дешевых вещей вы не носите. Положив в среднем четыре сотни долларов на наряд, получим тысяч восемь, вложенных в одежду. Вот то, что я называю достаточной обеспеченностью, и то, что я называю излишним постоянством в привычках.

Женщина медленно кивнула:

— Ну хорошо. А с чего вы взяли, что я работаю в правительственном ведомстве?

— Это достаточно просто. На вас навели «глок», вас заперли в машину, затем бросили в фургон, приковали к совершенно незнакомому человеку и везут неизвестно куда. Любой нормальный человек в данной ситуации вопил бы во всю глотку. Но не вы. Вы сохраняете завидное спокойствие, и это позволяет предположить, что вы про-

шли определенную подготовку, возможно, знакомы с тем, как следует себя вести в чрезвычайных и неожиданных ситуациях. И прибавлю, за всем этим еще стоит твердая уверенность, что в самое ближайшее время вас начнут искать.

Ричер остановился. Женщина жестом попросила его продолжать.

— К тому же у вас в сумочке был пистолет, — сказал он. — И довольно тяжелый — скорее всего, тридцать восьмого калибра с длинным стволом. Если бы это было ваше личное оружие, к такой изысканной одежде вы бы выбрали что-нибудь изящное, например короткоствольный револьвер двадцать второго калибра. Но этот пистолет большой, значит вам его выдали. Следовательно, вы сотрудник какой-то федеральной службы или служите в полиции.

Женщина снова медленно кивнула.

— А почему я недавно работаю на этом месте?

— Ваш возраст, — объяснил Ричер. — Сколько вам? Двадцать шесть?

— Двадцать семь, — уточнила она.

— Для детектива вы слишком молоды. Колледж, потом несколько лет службы в форме? Для ЦРУ, ФБР и управления по борьбе с наркотиками вы тоже слишком молоды. Так что, где бы вы ни работали, работаете вы там недавно.

Женщина пожала плечами.

— Ну хорошо, — согласилась она. — А почему у меня еще не пропал трудовой энтузиазм?

Ричер указал левой рукой, зазвенев при этом наручниками.

— Ваша травма. Вы вернулись на работу после несчастного случая, полностью не поправившись. Вы до сих пор ходите, опираясь на костыль. На вашем месте большинство людей оставались бы сидеть дома на пособии по нетрудоспособности.

Она улыбнулась:

— А может быть, я инвалид. Может быть, я родилась такой.